

По их плану он должен был открыть дверь, а И Чжэ — сказать, что он пришёл, чтобы угостить их лунными пирогами. Чжоу Хуэй и Сюй Юэлян должны были выйти и поприветствовать его, и Сюй Танси тоже должна была выбежать навстречу.

Но прошло менее десяти минут, и весь их мир перевернулся.

Сюй Юэлян и Чжоу Хуэй не двигались. Сюй Танси хотела открыть дверь, но не знала, что следует делать в такой ситуации. Тихим голосом она обратилась к Сюй Юэляну:

— Кто-то пришёл.

Сюй Танчэнь кашлянул:

— Я открою дверь.

Он подошел к двери. Придя в себя, он сунул фотографии в карман брюк.

Раньше Сюй Танчэнь даже не подозревал, насколько сильно полагался на И Чжэ. Сжав ручку двери, он почувствовал ни с чем не сравнимое ощущение — он хотел увидеть И Чжэ, не мог дожидаться того момента, когда увидит его. Он не должен был что-то говорить или делать; всё, что требовалось от И Чжэ, — это встать там и дать Сюй Танчэню увидеть себя. Как и фотографии, что он упорно сохранял, И Чжэ был опорой в его жизни.

Человек, стоявший у двери, держал в руке маленький пакет. Увидев, что Сюй Танчэнь открыл дверь, он улыбнулся, что, может, было частью плана, а может, его первой реакцией.

— Я здесь, чтобы...

Прежде чем он успел произнести подготовленные фразы, Сюй Танчэнь сделал шаг вперёд и взял его за руку, жестом показывая остановиться.

Дверь случайно закрыла их. Сюй Танчэнь посмотрел И Чжэ в глаза, шевельнув губами:

— Тебе следует сначала вернуться.

И Чжэ удивился. Он не видел, что происходило в квартире, и тихо спросил:

— Что случилось?

Сюй Танчэнь ничего не ответил. Сюй Танси подошла к двери. Она стала за Сюй Танчэнем. Увидев выглядывающего И Чжэ, она прикусила нижнюю губу и подняла руку, чтобы указать на

гостиную.

И Чжэ до сих пор не понимал, что происходит.

— Они узнали. Мои родители сейчас не в самом лучшем расположении духа, — после этих слов Сюй Танчэнь выдавил улыбку. — Не стоит тебе приходить сейчас. Вернись и подожди меня недолго.

В это время Чжоу Хуэй, кажется, поняла, кем был их гость. Она внезапно стряхнула руку Сюй Юэляна и подошла к ним. Почувствовав это, Сюй Танчэнь обернулся и, даже не подумав об этом, исходя из чистого инстинкта, встал перед И Чжэ в защитной позе.

Увидев это, Чжоу Хуэй внезапно остановилась и уставилась на него.

Сердце Сюй Танчэня дрогнуло под этим взглядом.

— Дядя, тетя, — поразмыслив, поздоровался И Чжэ.

Чжоу Хуэй сжала ладони в кулаки, её ногти глубоко впились в кожу.

— М-м, — она кивнула. — Что такое?

— Я... — И Чжэ осторожно произнёс: — Я пришёл, чтобы угостить вас лунными пирогами.

— В этом нет нужды. Танчэнь уже достаточно купил.

Чжоу Хуэй говорила спокойно и пока не сказала И Чжэ ничего неприятного. Сюй Танчэнь больше не мог слушать. Он обернулся и слабо толкнул И Чжэ, показав, что ему стоит уйти прямо сейчас.

И Чжэ, очевидно, уходить не хотел. Он не умел общаться со старшим поколением, но инстинктивно ощущал, что ситуация, в которой оказался Сюй Танчэнь, была невыносимо тяжёлой, и он не мог бросить его. Сюй Танчэнь не мог объяснить ему это прямо сейчас, да и неуместно было бы продолжать говорить с ним в такой момент, так что он только взглянул на И Чжэ, молча прося послушать его.

Он снова пихнул И Чжэ назад и закрыл дверь.

— Так ты выбираешь его? — снова спросила Чжоу Хуэй спустя мучительно долгое время после того, как стих хлопок двери.

Это был тот же вопрос.

Сюй Танчэнь обернулся, понизил голос и ответил:

— Мам, здесь нечего выбирать. Ты знаешь, что, независимо от того, что произойдёт, я не покину вас.

Он сознательно избежал той части, что Чжоу Хуэй была не готова слышать, но она продолжила давить на него, не давая сбежать.

— Если ты не покинешь нас, значит, разорви с ним все связи. Если ты не покинешь его, тогда с ним и оставайся, — на этот раз слова Чжоу Хуэй звучали беспощадно, отрезав все пути для отступления.

В конце концов, всё шло к этому.

Сюй Танчэнь посмотрел на Сюй Юэяна. Через несколько секунд он услышал, как тот сказал:

— Танчэнь, мы всегда уважали твои решения, с самого твоего детства. Но на сей раз это не сработает.

Когда враги сражались, надо было смотреть, кто был беспощаднее, кто был бессердечнее. Но когда спорили два человека, любившие друг друга, надо было лишь следить за тем, чье сердце смягчится первым.

Сюй Танчэнь был мягкосердечным человеком, особенно когда речь шла о его семье. Не было ничего, с чем он не согласился бы и в чём он не мог бы уступить. Но не сегодня.

Всё произошедшее в этот день застало его врасплох, это было внезапное нападение, не давшее времени на подготовку. Но была одна мысль, которую Сюй Танчэнь вынашивал уже давно. Это была последняя линия обороны; мысль, за которую он держался даже в самом отчаянном положении, в безвыходной ситуации; даже если ущерб был для него ужасным: он не откажется от И Чжэ. Ни для того, чтобы выиграть время, ни для даже временного расставания — он не сделает этого.

Поэтому молодой человек покачал головой и сказал Чжоу Хуэй:

— Я не брошу никого из вас, равно как не брошу и И Чжэ.

Сюй Танчэнь никогда не проходил через бунтарский период. Впервые он отстаивал свое решение, видя боль родителей.

По соседству с ними располагался небольшой магазинчик. Когда Сюй Танчэнь вышел из дома, он захотел зайти туда, чтобы купить пачку сигарет, но осознал, что не надел куртку, а потому остался без денег. К счастью, он часто заглядывал туда и был знаком с боссом, поэтому попросил:

— Можете сначала дать мне кое-что? Я пришёл сюда в спешке и забыл деньги дома. Я попозже верну.

— Конечно, — хозяин играл в телефон и даже не поднял взгляд. — Чего ты хочешь?

Сначала он собирался назвать то, что обычно курил, но, когда его взгляд скользнул по ассортименту, Сюй Танчэнь задумался и поменял решение:

— Мягкую упаковку Chunghwa.

Держа сигареты, он походил снаружи магазина и, наконец, нашёл местечко подальше от любопытных глаз. Это был конец небольшой аллеи, с двух сторон загороженный стенами, у одной из которых росли низкие кусты. Настоящий мир красного кирпича и зелени.

И Чжэ спустился очень быстро. Сюй Танчэнь не знал, как он нашёл его. Увидев, как тот глубоко дышал, нахмурившись так, что его брови сомкнулись на переносице, он поманил его рукой.

И Чжэ присел перед ним и спросил:

— Тётя и дядя не могут это принять?

Сюй Танчэнь кивнул:

— Они отреагировали довольно резко.

Они вдвоём сидели, но Сюй Танчэнь расположился на краю кирпича, так, что находился немного выше И Чжэ. Но их глаза оказались на одном уровне. И Чжэ долго ничего не говорил. Затем взял руку Сюй Танчэня и потряс её.

Все слова о том, что он был его опорой, не были произнесены просто так. Сюй Танчэнь сжал руку И Чжэ в ответ и в ступоре уставился на их переплетенные пальцы.

Когда уже половина сигареты была выкурена, Сюй Танчэнь наклонил голову и выдохнул дым изо рта, затем повернулся к И Чжэ:

— Ты взял деньги?

И Чжэ не знал, чего тот хотел, но ответил честно:

— Да.

— У меня не было денег, когда я покупал сигареты. Можешь заплатить хозяину?

— М-м, — и Чжэ мгновенно поднялся. Он отдал лунные пироги Сюй Танчэню.

Ожидая его возвращения, Сюй Танчэнь открыл пакет. В нём были три куска лунного пирога, и они отличались от тех, что они обычно ели.

Порывшись в пакете, Сюй Танчэнь вдруг остановился. Ноющее чувство неудержимо подобралось к его глазам, заставив его быстро зажечь ещё одну сигарету и затянуться.

Он не смог прекратить это жжение. Убрал руку, в которой была зажата сигарета, и спрятал лицо в ладонях, оставшись ненадолго в таком положении.

Сначала он думал, что купил много лунных пирогов, но теперь оказалось, что у них на эту середину осени осталось всего лишь три кусочка.

И Чжэ вернулся быстрым шагом. Увидев, как Сюй Танчэнь играет с лунным пирогом в руке, он сказал, что откроет его, чтобы он попробовал. Парень знал, что Сюй Танчэнь, должно быть, очень переживает, и хотел как-нибудь отвлечь его. Разорвав упаковку, он заговорил:

— Чжао Вэйфань сказала, что в одной коробке всего шесть кусков. Ю Фан украдкой съел два, так что осталось лишь четыре. Сначала я хотел отдать их все тебе, но она сказала, что, если я отдам тебе четыре штуки, это приведет к несчастью, и настояла, чтобы я открыл один прямо там и поделил его с ней пополам.

— Так она дала тебе всего три куска, и ты все их отдал мне, — Сюй Танчэнь подпёр голову рукой, сигарета горела рядом с его ухом. Он усмехнулся и сказал: — Разве ты не сказал, что они вкусные? Тебе следует взять один кусочек себе, чтобы съесть ночью.

— Они разных вкусов, — И Чжэ достал два других куска из пакета с довольно серьезным выражением лица. Он указал Сюй Танчэню на изображения на упаковках: — Видишь, все разные. Тот, что я съел, был другого вкуса.

Упаковка отражала свет заходящего солнца, блестящего и золотого, вводящего Сюй Танчэня в оцепенение.

Увидев, что Сюй Танчэнь ничего не ответил, И Чжэ решил, что тот грустит из-за того, как мало осталось лунных пирогов, так что поднёс маленький кусочек лунного пирога ко рту Сюй Танчэня:

— Попробуй. Если тебе не понравится, отдашь мне.

Сегодня Сюй Танчэнь забрал своё сердце и ушёл из дома, оставив позади плач родителей и крики его имени. Он чувствовал вину, но всё равно ушёл.

Всему причиной стала любовь. Но если бы ему нужно было сказать, насколько их любовь сильна, и почему они — два взрослых мужчины — не смогли пойти на компромисс, он бы не смог ответить точно. Молодой человек мог дать только абстрактный ответ: он не мог отпустить И Чжэ, а И Чжэ не мог отпустить его.

И сейчас Сюй Танчэнь понял. Он ясно осознал это. Наклонил голову и откусил кусок. Лунный пирог оказался сладким.

— Вкусно? — спросил И Чжэ.

<http://bllate.org/book/13101/1158754>